Произведения лауреатов и дипломантов Первого Открытого литературного конкурса имени Всеволода Остена - Поэзия

Номинация «Поэзия» 2021-22

Первое место (золото) и звание лауреата:
Ильченко Николай Иванович (персональный номер участника - 116)

Второе место (серебро) и звание лауреата:
Нурдинов Альберт Рашидович (110)

Третье место (бронза) и звание лауреата:
Тетенькина Татьяна Григорьевна (23)

Звание дипломанта конкурса:
Ерофеев Игорь Васильевич (104)
Колмогорова Наталья Ивановна (78)
Потапов Александр Николаевич (38)
Супрунова Светлана Вячеславовна (76)
Цукер Борис Юрьевич (102)
Шубникова Галина Николаевна (75)

Ильченко Николай Иванович – родился в 1949 году на ст. Россошь Воронежской области. Служил в ВМФ. Член Союза писателей России, Союза писателей Республики Крым. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат многих региональных и международного конкурсов. Поэт. Живет в Севастополе.

22 июня

Этот день, как ноющая рана,
Как заноза, что не вырвать прочь.
В этот день я просыпаюсь рано
И тревожно вслушиваюсь в ночь.

Слышу канонаду Сталинграда,
Лающие залпы батарей.
Слышу метроном из Ленинграда.
Слышу стоны всех концлагерей.

Вижу казни – и мороз по коже.
Слышу крик сожжённых деревень.
Каждый год со мной одно и тоже
В этот страшный тёплый летний день.

Седые мальчики войны

Георгию Задорожникову

Скатилось солнце, словно мячик,

В тугую теплую волну.
Стоит у моря старый мальчик,
Который видел ту войну;

Кому игрушкой были пули,
А жизнь в осаде, как вина.
Плетётся, тенью на Примбуле,
За севастопольцем война.

А в снах, всё продолжают падать
Бойцы в морские буруны.
Вы, наша правда, наша память –
Седые мальчики войны.

В волнах ныряет лунный зайчик
И время – никого не ждёт.
Идёт вдоль моря старый мальчик,
Из той войны ещё идёт.

И пусть порой в груди одышка,
Глаза глядят сквозь пелену,
Он – севастопольский мальчишка,
Который помнит ту войну.

Стоят в почетном карауле
Все обелиски, всей страны,
Пока гуляют на Примбуле
Седые мальчики войны.

Мамин вальс

Давно это было. В сознанье людском
Все стерли года-палачи.
Была танцплощадка в саду городском,
Светящийся остров в ночи.

Я маленький, мне далеко до невест
И вечер почти неземной,
«Амурские волны» играет оркестр
И мама танцует со мной.

И сколько потом не испытывал Бог,
Куда меня черт не манил –
Я сказочный вечер забыть тот не мог,
А музыку в сердце хранил.

Бывало, что все до того надоест,
Но вдруг, из далеких аллей

«Амурские волны» сыграет оркестр
И станет на сердце теплей.

Теперь на площадках, под звук громовой,
Кружение новых Джульетт.
Давно не играет оркестр духовой
И мамы давно уже нет.

Но часто, когда все умолкнет окрест,
А ночь над землей ворожит –
«Амурские волны» играет оркестр
И мама кружит и кружит.

Водолазам ЧФ

Закрыт скафандр, пристёгнут карабин –
Здесь каждый в своём деле чародей.
Они простые ангелы глубин,
Подводные спасатели людей.

Спеша к другим на помощь поскорей,
Они рискуют жизнью каждый раз;
Бесстрашных покорителей морей
Мы называем скромно, водолаз.

Нет, водолаз живёт не на показ,
Он мыслями всё время впереди:
У водолаза сердце ждёт приказ,
Сигнал тревоги у него в груди.

Сигнал тревоги вспыхнет, как рубин
И, не тарелки инопланетян –
Людей спасают ангелы глубин,
Такие, как Шаварш Карапетян.

Бывает, что один неверный пуск,
А целый крейсер от него оглох
И старший мичман Гусев входит в «Курск»,
Рискуя жизнью, выполняет долг.

Им долг тяжёлый этот по плечу;
За то, что он действительно таков
Заплатит жизнью мичман Полищук,
Заплатит жизнью мичман Шардаков.

Я знаю – водолазы, как один
Придут на помощь, только позови.
Они простые ангелы глубин,

Но с постоянным мужеством в крови.

Нурдинов Альберт Рашидович – родился в 1965 году в городе Свердловск (ныне Екатеринбург). Окончил Уральский Политехнический Институт. Инженер - механик. Пишет стихи с 2008 года. Победитель (дипломант) 2020, победитель (лауреат, серебро) 2021, конкурсов «Ты сердца не жалей, поэт». Живёт в городе Екатеринбург.

У братской могилы

Он приходит сюда каждый год по весне,
К обелиску из черного камня, –
Одноногий солдат, на далёкой войне
Потерявший друзей. Но не память!
Он стоит и молчит. Давит ногу протез.
Боль застыла в глазах ветерана.
Но болит не культя – как глубокий надзрез
Кровоточит сердечная рана.
Он опять на войне, рот его искривлён, –
Вспоминает бойцов друг за другом:
В этой братской могиле – его батальон,
Лёгший в землю за Западным Бугом.

Он тогда уцелел, но попал в медсанбат.
Хмурый врач ампутировал ногу...
Самым юным он был из безусых ребят –
Всех потом перерос понемногу...
Год за годом проходит, всё дальше война.
Но солдатская память не дремлет.
И лежит на душе тяжким грузом вина,
Что с другими не лёг в эту землю.
Небо плещет лазурью, трепещут листы –
Шепчет что-то ветла вековая...
Плачет старый солдат у гранитной плиты,
Слёз своих от друзей не скрывая.

Баллада о людях и лошадях

Шёл год сорок первый – тяжёлый, кровавый.
Не раз вспоминаться он будет людьми.
…На станции ночью грузились составы:
Один санитарный, другой с лошадьми.
Пугливые кони глазами косили
И ржали тревожно при виде калек,
Которых медсёстры в вагоны носили
С приехавших с фронта машин и телег.
Работали дружно: все очень спешили
Покинуть стоянку. Но лишь рассвело,
Немецкие асы налёт совершили
На станцию и небольшое село,
Стоящее рядом. Машины с крестами
На цель заходили, скользя с высоты, –
И быстро окрестность покрылась кострами:
Пылали постройки, цистерны, склады.
В соседнем лесочке от взрывов тротила
Дубы осыпались янтарной листвой.
А пламя уже поезда охватило:
Сперва – санитарный, за ним – грузовой.
Метались девчонки в горящем составе,
Несли, надрываясь, тяжёлых солдат
И, вниз их спустив, у вагонов оставив,
За новыми тут же бросались назад.
Кричали медсёстры бойцам, чтоб в дубраву
Бежали немедля и прятались в ней,
Но те побрели ко второму составу –
Спасать из пожара несчастных коней.
Никто не остался к беде безучастен:
Людей искалечила люто война,
Но гнал их вперёд рвущий души на части,
Наполненный ужасом крик табуна!
Кружила над станцией чёрная стая.

Приникли к прицелам пилоты врага,
Свинцом смертоносным с небес осыпая
Калек, ковылявших на слабых ногах.
Сражённые падали навзничь со стоном
И больше уже не вставали с земли,
Но шли остальные упрямо к вагонам –
Иначе они поступить не могли!
Потом рвали доски, кричали от боли,
Плоть рук обжигая огнём до костей,
И гнали из адского пекла на волю
Окутанных дымом шальных лошадей!
А кони, увидев их, чёрных и страшных,
Заржали... и вдруг сквозь цепочку кустов
К леску понеслись, разметав бесшабашно
Остатки сгоревших в пожаре хвостов.
Смотрели калеки, как кони из плена
К дубраве бежали, сминая бурьян,
Смеялись и плакали одновременно,
Про боль позабыв от ожогов и ран...
Вставала заря широко, величаво.
Над станцией ярко пылал небосвод.
Шёл год сорок первый, тяжёлый, кровавый,
И сколько он горя ещё принесёт!
Кто выживут – вспомнят со светлой печалью
И станцию ту, и табун лошадей,
И всех, с кем коней из беды выручали, –
Израненных, но сильных духом людей!

Тетенькина Татьяна Григорьевна – родилась в Брестской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета в Минске. В 1971 году переехала в Калининград. Работала редактором в газетах и книжных издательствах. Член Союза писателей России. Живёт в Калининграде.

На линии огня

Ну, вот и мы – на линии огня,
Как наши деды, прадеды и дальше…
Не из ружья враг целится в меня,
А бьёт снарядом из вранья и фальши.

Ни разу не была в его стране,
И он меня по имени не знает,
Но почему-то бьёт по мне, по мне…
Как будто разум мой ему мешает.

Когда-нибудь враг будет на щите –
Уже кусает губы от досады,
Но этого пока не видят те,
Кто помогает подносить снаряды.

Вокруг России

Ничто не ново для России –
Вражду изведала сполна:
Её за правду поносили
Во все века и времена.
Ничто не ново для России:
Ей спешно клеится вина,
Привычно бесятся «мессии»,
И моськи лают на слона.

Цена жизни

У жизни есть цена.
Но нет такой валюты
чтоб оценить…
Бывает – полминуты
для подвига
достаточно вполне.
И некогда подумать о цене.

Предателю, лжецу,
бандиту или вору –
им не цена –
им только мерки впору,
и мерки те
настолько коротки,
что жалко и строки.

У жизни настоящей
есть цена.
Цена ей – Жизнь!
И только лишь она.

Долги

Чужую боль приемлю как свою –
И тем долги я людям отдаю.

Ещё моя звезда не родилась,
Ещё мне путь не выбран был судьбою –
А кто-то умирал на поле боя,
Чтоб я на этом свете прижилась.

В долгу я перед теми, кто страдал,
Залечивая раны и увечья,
Кто страшную беду взвалил на плечи,
А мне свободной землю передал.

Отец и мать, пред вами я в долгу
За то, что не продлила ваши годы.
Друзья, я не смогла от непогоды
Спасти всех вас в житейскую пургу.

И многое, и многое ещё
Тревожными бессонными ночами
С упрёками высвечивает память,

Мне щёки опаляя горячо.

Чужую боль приемлю как свою –
И тем долги я людям отдаю.

Спаси и сохрани

Господи, спаси и сохрани
Тех, за кого сейчас
я молвлю слово:
Взрасти побеги древа родового,
Наполни счастьем годы их и дни.

Господи, подставь своё плечо,
Когда моё ослабнет или сгинет.
Когда исчезну в этой дали синей –
Свети им несгорающей свечой.

Господи, дай мира и добра,
И дай ума принять им эту дачу…
Я на себя молитвы не истрачу,
Оставшейся на кончике пера.

Господи, неправедно живём,
Но пусть беды вселенской
не случится.
Ты не позволь
однажды ей пролиться
На Землю всё сжигающим огнём.

Ерофеев Игорь Васильевич – родился в 1958 году в Черняховске. Краевед, поэт, писатель, журналист, рок-музыкант. Редактор литературно-краеведческого альманаха «Берега Анграпы». Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Лауреат (серебро) конкурса «Ты сердца не жалей, поэт». Живёт в г. Черняховске.

Сорок пятый

Тысяча девятьсот сорок пятый.
Пруссия Восточная –
словно канава сточная:
грязь, кровь, гарь,
изнасилованный огнём январь,
вспоротая русским штыком
тевтонская ветхая старь,
смерти линия поточная,
небо ржавое и худосочное –
между Богом и дьяволом
ставка очная.

Нет мерила людскому горю,
страх и ужас на пути к морю...
На шее Германии дебелой
удавка всё туже,
воронья над пожарищами
всё больше кружит,
танки окопы простуженные утюжат.

Кому на войне всего хуже?
Пехоте – матушке полей?
А может, матери солдатской,

чей сын в могиле братской?..
Всем страшно, всем плохо...
– Прикрой меня, Лёха!
Дай мне его добить –
научу, мать твою, Родину любить!
Эй, славяне! Пришёл и наш час...
Сейчас я его срежу... сейчас...

Но трудно в логове убить врага,
где каждый хутор – «Курская дуга»,
тверды ещё стены фортов...
Трупов с улиц собрали выше бортов:
засели, сволочи, в бункера,
а наш солдат – в полный рост, с «ура!»
в атаку, в лоб, дети жили чтоб, –
и такая у него боль и ярость слепая –
только вперёд, напролом, не уступая...

Вскрыли гнойный прусский нарыв
и сбросили отборные дивизии в залив.
А на дорогах – беженцев тысячи
с детьми и повозками.
Горит город домами броскими,
костёлы заколочены досками.
Мечется людской поток:
где теперь запад, где восток?

Боятся Ивана, которому хоть бы что:
на привале коротком – и то с баяном.
«Чего от него ожидать?
Он двужильный, не сломать:
сколько русских этих уже положили,
а их всё больше, а они всё живы!..»

«Прощай, Гретхен, прости!
Детей береги... Тебе теперь
крест грехов моих нести...
"Советы" дерутся как черти,
все мы на шаг от смерти –
она сейчас ценится дёшево...
Центр города – домов крошево.
В ратуше пока держимся
на первом этаже,
а они всё ближе и ближе... уже...»

К утру город пал, утих огня шквал,
пошли тыловые части...
– Что? Не ждали нас, фрицы?! Здрасьте!
Ваша Пруссия поганая
не то что наша Украина!..
Тут уж рукой подать и до Берлина...
«Скоро дома буду, Галина,

чуток осталось немца побить.
Я уж и забыл в этом аду, как любить...»

– Эй, земляк, а как город-то этот
по-немецки звался? Не помнишь?
Ай, да и не главное это –
всё равно песня их немецкая спета...
Ушёл солдат, а город остался
для обозов и госпиталей,
для девочки, которую спас наш старлей,
для пленных ополченцев,
для русских и немцев,
для страниц истории стёртых,
для живых и мёртвых,
для них и для нас...
И для Бога, который не виноват...
Ты уж прости и помилуй нас, брат...

*** * ***

Заменила тишина стрельбище вселенское,
и с рейхстага передан красный флаг в музей.
Потянулись по домам псковские, смоленские,
сохранятся карточки фронтовых друзей.

А солдаты в комнатах ходят – пригибаются:
им всё окопы кажутся на передовой.
Не успел отец пригнуться в том бою под Прагою –
миномётчик третьей роты, в званье рядовой.

С пацанами бегал я к поездам на станцию, –
может, батя возвратится и откроет дверь:
«Вот он я, сынок, живой! Ни одной царапины!
Ну а то, что был убит… этому не верь!»

А война закончилась вечною победою,
и от пороха очистил небеса салют.
И мужьям вернувшимся стелют бабы новое,
за безвестных молятся, за погибших пьют.

Колмогорова Наталья Ивановна – родилась и выросла в Куйбышевской области. Образование педагогическое. Участвовала и становилась лауреатом нескольких международных и множества всероссийских конкурсов. Член Союза Профессиональных литераторов. Живёт на станции Клявлино Самарской области.

Синеглазка

Ночь догорает, будто спичка,
Горячий шёпот, чей-то бред.
Гангрена. Кровь.
– Воды, сестричка! –
Скрипя зубами, просит дед.
Война. Разруха. Лазарет.

Восток по небу – сукровицей,
Заря глядит в пустой зрачок
(Знать, всё же помер старичок)
Июль. Зловонная жара.
И кто-то с самого утра:
– Помилуй, мя! Сестра! Сестра!

Кровавой ватой облака
Плывут по небу вдаль куда-то…

– Сестра, я жив?
– Живой пока.
И на холодный лоб солдата
Ложится тёплая рука.

Невыносимо. Дико. Жутко!
И боль лишает нас рассудка,
По капле утекает жизнь…
– Держись, родименький, держись!

Карболка, йод, новокаин.
Свинцовый град. Осколки мин…
Увы, помочь сестра не в силах,
Когда течёт отрава в жилах,
И смерть, от имени Христа,
Целует раненых в уста…

Ей, вместо платья выпускного –
Пропахший порохом халат.
– Ну, что ж, гражданка Иванова, –
Майор взглянул почти сурово, –
Вас направляем в Медсанбат.

Она мечтает отоспаться,
Но снова раненых везут:
Зёленка, морфий, шина, жгут,
Бинтов нестиранных гора,
И тут, и там кричат: – Сестра!
Как величать-то, Синеглазка?...
Крик боли, морфий, перевязка,
А в небе, полном тишины –
Таблетка горькая луны.

Её мы кликали «сестричкой»,
И оглянувшись вдруг назад,
Я вспоминаю медсанбат,
Военных будней перекличку
И тех, не выживших солдат,
И ангела в халате белом…

Внутри её плескался свет!
И пусть поблекнут жизни краски,
Улыбку нашей Синеглазки
Я вспомню через тыщу лет…
Ведь подвигу забвенья – нет.

Марусина почта

Плачет Маруся ночами,
Горькие слёзы льёт,
Лихо стоит за плечами -
Сорок четвёртый год.

Век бы не знать Марусю! –
Люди отводят взгляд…
С гулом летит над Русью
Огненный камнепад.

Маруся наденет валенки,
Через плечо – котомка…
Не повезло ей, маленькой,
Стать в войну почтальонкой!

То по замёрзшей пашне,
То по замёрзшим лужам…
Как же Марусе страшно
Нести похоронки людям!

Ах ты, кручина-долюшка!
Слёзы – как море синее,
Сколько пролилось горюшка
Над золотой Россиею!

Худенькая девчонка,
Давно разучилась смеяться,
Трудно быть почтальонкой,
Если всего - семнадцать…

Ночами Марусе снится
Холод внутри конверта,
Сельчан дорогие лица,
Герои войны – посмертно.

Нет ничего тяжельше,
Труднее всего на свете,
Для маленьких хрупких женщин –
Чувствовать близость смерти…

Летит золотая пчёлка,
Покинув тепло избушки,
Девочка – почтальонка,
Рыжие конопушки.

Откуда брала только силы?
Сказать я теперь не берусь…
Сколько в моей России
Было таких «Марусь»?

Смерть не щадит солдата,
Но я бы поклясться мог:

Выбывшим адресатам
Письма приходят в срок.

Потапов Александр Николаевич родился в 1954 году в селе Петровка Шацкого района Рязанской области. Окончил Рязанский государственный педагогический институт и Литературный институт имени А.М. Горького.

Автор более четырёх десятков книг поэзии и прозы.

Лауреат многих известных региональных и международных конкурсов и премий. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Рязани.

Подборка стихотворений «Русский меч»

Русский меч

Русский меч всегда щита верней –

Память предков твёрдо это знает.
Истина дошла до наших дней:
От меча мозолей не бывает.
Невский Александр сказал:
«Не трусь!
Мужественных сила не покинет.
Если враг с мечом придёт на Русь,
От меча бесславно и погибнет!»
Русь была Орде, как в горле кость,
Били мы и шведа, и француза,
И фашистам тоже довелось
Испытать разящий меч Союза.
Нам в наследство многое дано.
Прорастёт сквозь мрак былая слава,
Если в нас живёт Бородино,
Поле Куликово и Полтава!
Суждено нам Родину беречь,
Не прося у Запада подачек.
Да живет в веках родная речь!
Да нетленным будет русский меч!
Да и разве может быть иначе?

Зелёный крест

Старинный храм стоит, полуразрушен,
Став безъязыким без колоколов.
И лишь витают праведные души
Над луковками ржавых куполов.
Когда в пучине хлябей поднебесных
Внезапно разбушуется гроза,
Бывает, что кирпич летит отвесно
На землю, как кровавая слеза.
Село давно повымирало в муках.
Глухая тишина стоит окрест.
И лишь берёзка взобралась на купол
И встала, как живой зелёный крест.

Отцовская трость

Голод, войны, лихие невзгоды –
Всё изведать отцу довелось,
И ходил он в преклонные годы,
Опираясь на верную трость…

К нам с годами приходит усталость,
Жжёт рябины пунцовая гроздь…
Помню: мать, заболев, опиралась
Всё на ту же отцовскую трость…
Были в жизни и горе, и радость,
Но опор я не знаю иных:
Опираюсь на трость, опираюсь,
Как на память о предках своих.

*** * ***

Весенний день тягуч, как мёд янтарный,
А крылья ночи стали коротки.
Бугры грудастые
Овальностью гитарной
Темнеют у встревоженной реки.
Того и жди – поток нетерпеливый
Клыками льдин сжуёт морозный хруст,
Забрызгают веснушки почек ивы,
И покраснеет тальниковый куст…
Уж клавиши ступеней застарелых
Озвучили скрипучее крыльцо,
А с неба льются солнечные стрелы,
И южный ветер молодит лицо.
Ручей пробился прямо у калитки
И подступил к порогу моему,
И снег в овраге стал настолько липким,
Что тень грача приклеилась к нему.

Медовый спас

Ива седая над омутом виснет.
Ветер грудастое облако мнёт.
На сковородках кувшинковых листьев
Плавится солнца дурманящий мёд.
Луг опустел,
И пчела отжужжала,
Пуст и уныл голубой окоём.
Грусти непрошеной тайное жало
Точит мне душу и ночью, и днём.
Родина!
Что же печали так много
В этих просторных картинах твоих?

В этих просёлочных сонных дорогах,
В этой реке, что затихла на миг?
Или года – что пустая полова?
Или тебе не воскреснуть уже?
…Воспоминанье о Спасе Медовом
Сладкую горечь оставит в душе.

*** * ***

Рябые берёзы, родные рябины
Под куполом сонных осенних небес,
Вы сердцем ранимым до боли любимы,
Любимы, как это вот поле и лес.
Любимы, как солнце в простуженном небе,
Любимы, как первый раздумчивый снег,
Как звуки молитвы о мире и хлебе,
Как память о близких, ушедших навек.
Светлеет душа, что извечно ранима…
Да разве о том я веду свою речь?
Рябые берёзы, родные рябины
И это вот небо над русской равниной
До вздоха последнего мне ль не беречь?

Супрунова Светлана Вячеславовна – родилась во Львове. Окончила Ленинградское медицинское училище, в 1985 году – Афганистан, работала медсестрой. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский госуниверситет, заочно училась в Литературном институте им. М. Горького. Проходила воинскую службу в Таджикистане. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат ряда российских и международных конкурсов и премий. Член Союза писателей России. Живёт в Калининграде.

Я таких не видала окраин

Я как будто в глубоком тылу,
Где ни брани, ни горя, ни грусти,
Здесь кадушка в прохладном углу,
И в кадушке солёные грузди.

Тихо так от росы до росы.
Вишня тонкая смотрит в окошко.
А за дверью с кукушкой часы
И до них половик, как дорожка.

Лишь трава да какой-то сорняк,
Не растёт в огороде капуста,
Поглядеть – ни людей, ни собак,
На единственной улице пусто.

Разрослись на погосте кусты,
Пожелтевшие холмики низки.
О разлуке напомнят кресты
И о правде земной – обелиски.

То ли я забрела не туда,
То ли родина где-то за краем.
Крест упал и ржавеет звезда.
Неужели себя забываем?

Смерть старушки

Часы, минуты – как их мало,
И думы, думы о былом…
Всё снимки прошлые искала
В комоде стареньком своём.

Нехитрый скарб перебирала,
Как утешалась от обид.
Невестка толстая ворчала,
Что много света нагорит.

Она задумалась немного,
Рукой махнула на дела
И в новом платье, у порога
Оставив тапочки, ушла.

И странной виделась разлука:
Стоит комод, но из угла
Уже ни шороха, ни звука.
И снова день… Она ушла.

Как будто соль купить забыла
Или ещё чего купить
И дверь тихонечко закрыла,
Чтоб никого не разбудить.

*** * ***

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то – под каждым кустом.
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день,
И не крестит, а всё отпевает
Поколенье глухих деревень.

Всё едино – дожди, завируха,
Эту древнюю дверь отопрёт,
Приблудится, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

Шесть соток

Как будто отпустили беды,
В полях и небе мирный гул.
Он рано встал и в День Победы
Друзей ушедших помянул.

Летели годы, шли парады,
Опять то ливни, то пурга.
В шкафу солдатские награды,
В чужой земле – его нога.

И в доме не было излишка,
Но радость всё-таки была:
Шесть соток – грядки и домишко,
И всё дела, дела, дела…

Хозяйка рядом, помогала,
Потом Господь её прибрал.
Земля цвела, земля дышала,
А он мотыжил и копал.

В рубахе белой, без пилотки
Ходил к колодцу в суховей.
Оборонял он эти сотки –
Кусочек Родины своей.

* * *

Всё поля вокруг да огороды,
Парится в заварнике чабрец.
Кольцами стянули сердце годы.

Сколько же осталось тех колец?

Голова под шапкой всё белее,
Снова снег и лужи у крыльца.
Вот ещё кольцо, и тяжелее
Под лопаткой левой от кольца.

Для чего-то копятся печали,
И земным печалям нет конца,
И смотрю в заоблачные дали,
И боюсь последнего кольца.

Каждый год, увы, всё разудалей.
Всё больнее выстраданный стих.
Наверху не может быть печалей,
А смогу ли, грешная, без них?

Цукер Борис Юрьевич – родился в 1956 году в Ленинграде. Поэт. Первая публикация состоялась в альманахе «Молодой Петербург» (2000). Печатался в ряде альманахов и сборников. Дипломант и лауреат нескольких престижных конкурсов и премий. Автор пяти книг стихов. Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге, г. Зеленогорск.

Париж, спасенный под Москвою

* * *

Те, кто выжил, помнят и поныне
Бой на высоте Дубовый Стан.
Под Смоленском, около Катыни,
Сутки потерял Гудериан.

Батальон в развалины церквушки
Обороной намертво залез,
А за речкой – егеря и пушки
Из восьмой дивизии СС.

Как еще выдерживали нервы,
Если от стрельбы тряслась рука?
И в душе, наверно, каждый первый
К черту посылал политрука.

Фрески разлетались, словно птицы,
Вот почти и нету их уже,
И святых разбитые глазницы
Заставляли думать о душе.

Старшина со снайперской винтовкой,
Попривыкший к перемене мест,
Вспомнил, как в своей родной Ольховке
Сдернул тросом с колокольни крест.

А когда огонь прямой наводкой
В пыль расколошматил две стены,
Танки появились на высотке
Ангелами гневными войны.

В этой драме спас от смерти многих
Краснозвездный танковый финал…
Ну а политрук потом о боге
Целый месяц не напоминал.

* * *

Май солнцем победителей встречал,
Убитая война уже остыла.
И распахнул объятия Урал,
Стальной хребет несломленного тыла.

Однако путешествию конец.
На полустанке вышли из теплушки
Увешанный медалями боец
И Найда – вислоухая подружка.

Военный век, безумен и жесток,
Загнал народы в смертную огранку.
Но, видно, уберег собачий бог
Собаку – истребительницу танков.

Сельчане пировали до утра,
Гудеж вокруг стоял – ну чистый улей!
А на заре взревели трактора,
И Найду из избы как будто сдуло.

Раздался лай, потом короткий визг,
Застыли окровавленные траки,
И трясся побелевший тракторист
Под взглядом умирающей собаки.

Солдат ругался в бога душу мать,
Кричал, рыдая: «Найдочка, задрыга!
Ну сколько нужно было повторять
Что больше нет нужды под танки прыгать?!»

И людям боль его была ясна,
И каждый этим горем был затронут,
Хотя в село доставила война
На сто дворов две сотни похоронок.

*** * ***

Вырица – курорт не самый важный:
Речка, магазины да вокзал.
Летом там хранитель эрмитажный,
Вячеслав Егорыч, отдыхал.

А вчера меня он ошарашил.
Позвонил, отбросив все дела:
«Знаешь, что соседка, тетя Глаша,
К нам в музей кольчугу принесла?

В землях этих все, кто только можно,

Воевали пять веков подряд,
Так что бомбу здесь найти несложно,
Или там какой-нибудь снаряд.

Но кольчугу! Так, из огорода?
Это, брат, задача нелегка:
Представляешь, сколько здесь народа
Побывало в прошлые века?

Мы ей – денег, или вещь какую,
Но она, прервавши разговор,
Бросила: «Отчизной не торгую,
Я вам, мужики, не думский вор!»

И ушла. Суровая, седая,
Ни вина не взявши, ни рубля…»
Ой ты гой еси земля святая,
Дорогая Русская земля!

* * *

Пора беспамятства настала:
Пророча негу и уют
На опустевших пьедесталах
Кумиры новые встают.

И кто-то, дергая за ворот,
Вещает про блокадный ад:
«Париж отдали… Выжил город!
Зачем душили Ленинград?»

И не докажешь индивиду,
Что выплыл европейский дом
Лишь потому, что били гниду
Под Сталинградом и Орлом.

И наша память о потерях
Хранит от смерти шар земной,
Где открывает миру двери
Париж, спасенный под Москвой.

Шубникова Галина Николаевна – родилась в городе Советске Кировской области. Окончила Советское медицинское училище по специальности «медицинская сестра» (1981). Работала в здравпункте шахты им. Лутугина в г. Торез Донецкой области. Выпускница Литературных курсов 2020 года. Финалист и дипломант нескольких международных и всероссийских литературных конкурсов. Живёт в городе Советск Кировской области.

«Встань над болью своей»

В.В.Остен

*** * ***

На меня одели тулуп –
Из холода, голода, страха,
Смерти.
Рукава рваными венами
Истекали кровью.
Воротник
Удушливой петлей
Сдавливал шею.
Тулуп не грел,
Тяжестью клонил к земле.
Хотелось выбраться из него
Отчаянным криком
Стоном,
Но не было сил.
Стылое тело не слушалось,
А сердце жгло…
Жгло тысячами тел,

Жгло тысячами глаз,
Жгло тысячами сердец,
Которые остались навсегда
Без имён и званий
Пеплом
В чужой земле.
Если скинуть тулуп,
То освободишься
От боли –
Леденящей и жгучей,
Колючей проволокой
Вцепившейся в каждую клетку.
Можно закрыть книгу,
Не дочитав.
Они этого сделать не могли.
Каждая страница –
Это чей-то день жизни.
«Встань над болью своей»
Они должны
Жить
В памяти!

*** * ***

В старой коробке тряпичная кукла:
Вышиты ниткой глаза.
Счастье невечное, счастье – малютка
В платьице цвет бирюза.
Мамина радость военного детства:
Красными стёжками рот –
Лысая кукла лихого наследства –
Спать до сих пор не даёт.
Крошками хлеба делилась украдкой,
Вечером пела всерьёз,
Куклу на край положив на кроватке,
В щёки целуя и нос.
Сколько ж бабулек таких по России
(С детством военным) живёт,
Кукол тряпичных считая красивыми,
Правнукам песни поёт.
Девочка-мама с тряпичною куклой
Снится мне часто сейчас.
Мамочкам-мамам дай, Господи, утром
Встретить рассветный свой час.

Курган Славы

На ступеньках Кургана Славы
Мне сквозь обувь ступни обжигало.
Я прошла по военному сплаву
Из солдатских сердец и металла.
Двести сорок ступенек,
  примолкнув.
Двести сорок –
  шагаю до неба –
До Победных салютов долгих,
До краюшечки мирного хлеба…
На Кургане трава не примята,
Зеленеется жизнью новой.
По ступенькам
  До верха
  К солдатам,
До поклона земного…

Добавить комментарий

Комментарии